
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Дж. ДЖОНСОН, О.Ю. МАЛИНОВА*

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ
POLITICAL SCIENCE И RUSSIAN STUDIES:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПРОШЛОГО В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Аннотация. Настоящая обзорная статья анализирует вклад политической науки в исследования постсоветской символической политики. Ее основной фокус – политика памяти. В силу определяющей роли официальной идеологии при коммунистических режимах трансформация прежних символических систем оказалась существенной составляющей посткоммунистических транзитов. Этим отчасти объясняется то, что исследования символической политики получили заметное распространение в постсоветских и посткоммунистических странах.

Авторы утверждают, что политологи, занятые изучением постсоветской политики памяти, вносят двоякий вклад в развитие междисциплинарной области исследований памяти (memory studies). Во-первых, они акцентируют проблемы власти, задавая вопросом: кто обладает властью, чтобы манипулировать символами в политическом пространстве, и с какими политическими целями это делается? Это побуждает фокусировать внимание на взаимодействиях различных акторов, не ограничиваясь изучением позиции государства. Во-вторых, политологи внедряют в исследовательское поле, где прежде преобладали исследования отдельных кейсов, современные сравнительные методы и теории. Вместе с тем

* **Джонсон Джулиет**, PhD, профессор департамента политической науки, Университет Макгилла (Монреаль, Канада), e-mail: juliet.johnson@mcgill.ca; **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, профессор департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); главный научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@hse.ru

© Джонсон Дж., Малинова О.Ю., 2020 DOI: 10.31249/poln/2020.02.01

междисциплинарный характер исследований памяти побуждает политологов к более тонкой и нюансированной концептуализации власти. Исследования символической политики, столь важные для понимания постсоветского контекста, помогают политологам распространять и легитимировать интерпретативные и этнографические методы в политической науке.

Ключевые слова: символическая политика; политическая наука; руссификация; политика памяти; исследования памяти.

Для цитирования: Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>

Концепция политики как символического действия была предложена в 1960-х годах М. Эдельманом в качестве ответа на самые что ни на есть «мейнстримные» проблемы американской политической науки [Edelman, 1964]. Однако особую популярность данный подход приобрел именно в связи с изучением политики в постсоветских и посткоммунистических странах. По-видимому, это не случайно: поскольку при коммунистических режимах официальная идеология во многом определяла не только общественную, но и частную жизнь, трансформация прежней символической системы оказывается существенной составляющей посткоммунистических транзитов, в том числе – в России [Gill, 2013]. После распада СССР перед новым российским государством встало множество вопросов: как быть с грандиозным символическим ландшафтом, оставшимся от прежнего режима, надо ли признавать его преступления, и если да, то каким образом, и какой должна быть новая символика. Все эти вопросы и сейчас остаются предметами политических споров.

Политологи, занимавшиеся СССР, привыкли воспринимать роль идеологии в политике всерьез, что в некотором смысле подготовило их к изучению идейно-символических аспектов постсоветских трансформаций. Вместе с тем исследование постсоветской символической политики стимулировало к расширению теоретических и методологических границ. Старые добрые подходы, основанные на «внимательном чтении», были дополнены современными качественными и количественными методами, что позволяет более убедительно доказывать, что «идеи имеют значение».

Настоящая статья посвящена анализу вклада политической науки в исследования постсоветской символической политики. Ее основной фокус – политика памяти, оказавшаяся в центре символических битв, которые ведут постсоветские элиты. Мы сосредоточимся на российском случае; литература по другим постсоветским странам будет рассмотрена постольку, поскольку она затрагивает политику памяти в России. Поскольку нас интересует связь между данным предметным полем и развитием политической науки, основное внимание будет уделено работам представителей именно этой дисциплины.

Мы попытаемся показать, что политологи, занятые изучением постсоветской политики памяти, вносят двоякий вклад в развитие междисциплинарной области исследований памяти (memory studies). Во-первых, они акцентируют проблемы власти: кто обладает властью, чтобы манипулировать символами в политическом пространстве, и с какими политическими целями это делается? Во-вторых, политологи внедряют в исследовательское поле, где прежде преобладали исследования отдельных кейсов, современные сравнительные методы и теории. Но есть и обратная связь: междисциплинарный характер исследований памяти побуждает политологов к более тонкой и нюансированной концептуализации власти. Вместе с тем исследования символической политики, столь важные для понимания постсоветского контекста, помогают политологам распространять и легитимировать интерпретативные и этнографические методы в политической науке.

Символическая политика: понятие и исследовательское поле

Термин «символическая политика» (symbolic politics, symbolic policy) в последние десятилетия получил заметное распространение, хотя и в разных значениях. Считается, что данное понятие восходит к работам Мюррея Эдельмана [Edelman, 1964; 1971], предложившего новую исследовательскую программу. По мысли Эдельмана, политическая наука должна изучать не только «то, как люди получают от правительства то, чего они хотят» (отсылка к заглавию известной работы Г. Ласуэлла «Политика: Кто получает что, когда и как»), но и «механизмы, посредст-

вом которых политика влияет на то, чего они хотят, чего боятся, что считают возможным и даже кто они есть» [Edelman, 1964, p. 20]. Эдельман полагал, что манипулирование символами, которые он интерпретировал как «способы организации репертуара воспринимаемой информации в нечто осмысленное» [Edelman, 1971, p. 34], является неременным элементом таких механизмов.

Подход, предложенный Эдельманом, не породил научной школы, однако его идеи служат источником вдохновения для многих исследователей, изучающих символические аспекты политики. При этом используются разные терминологические комбинации: «символическая политика» [Brysk, 1995; Поцелуев, 1999; 2012; Малинова, 2012; Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013], «символическая деятельность как основание авторитета» [Smith, 2002, p. 6], «символическое оспаривание» [Gamson, Stuart, 1992], «символы в политике» / «символизм в политике» [Kertzer, 1988; Gill, 2011; 2013; Fornäs, 2012]. В большинстве этих словосочетаний прилагательное «символический» используется расширительно: оно связывается с социально разделяемыми смыслами, опосредующими восприятие и поведение участников политических отношений. Вместе с тем данное понятие иногда понимается узко (например, дело сводится к изучению государственной символики) [Мисюров, 1999].

Под *символической политикой* часто понимают манипулирование символами и мифами для достижения политических целей [напр.: Edelman, 1964, p. 22–43; Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013]. В таком значении символическая политика нередко противопоставляется «настоящей», рассматривается как ее «подмена» [Поцелуев, 1999]. Однако символическая политика может интерпретироваться и более широко, как *публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование*. Понятая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «настоящей» политики. Постсоветская действительность дает богатый материал для изучения подобной борьбы за смыслы, которая не может быть сведена к идеологии в ее традиционном, вербальном и систематическом формате. Это стимулировало появление исследований, которые не только вносят существенную лепту в развитие теории и методологии исследования символической политики, но и предлагают новые способы объяснения политических процессов и их результатов.

Так, исследования австралийского политолога Грэма Гилла продемонстрировали значение символической политики как для устойчивости политических режимов, так и для их трансформации. В двух последовательно изданных монографиях – «Символизм и легитимность в советской политике» и «Символизм и смена режима» [Gill, 2011; 2013] – он проанализировал формирование и распад «советского метанарратива», т.е. совокупности дискурсов, объясняющих настоящее и проектирующих будущее. Представляя собой упрощенную форму официальной марксистско-ленинской идеологии, советский метанарратив служил «главным культурным посредником между режимом и народом» [Gill, 2011, p. 3]. Смещение фокуса с «идеологии», которая считалась специфической особенностью коммунистических стран, на «символическую программу», присущую разным режимам, делает такой подход более универсальным. Изучая конструирование новой символической системы, призванной заменить советскую, Гилл анализировал речи представителей политической элиты, символизм новых политических институтов, дискурсы массовой культуры и изменения культурного ландшафта столицы. Он приходит к выводу, что основной причиной, по которой постсоветской политической элите пока не удается сконструировать новый «символический нарратив», опирающийся если не на формальную идеологию, то на систему символов, способных «объяснить распад советского эксперимента и то, почему постсоветский режим является его более достойной заменой», является стремление «нормализовать» советскую историю, отказавшись от ее критической проработки [Gill, 2013, p. 7].

Другая область, в которой использование ракурса символической политики помогает объяснять наблюдаемые изменения, – изучение протестов. Как показало исследование Регины Смит, Антона Соболева и Ирины Соболевой, символическая политика пропутинских митингов оказалась важным инструментом упрочения отношений власти и общества в момент кризиса 2011–2012 гг. Основываясь на полевом исследовании, эти авторы проследили изменения в символическом наполнении пропутинских митингов между декабрем 2011 г. и мартом 2012 г. Они обнаружили, что прокремлевская символическая политика была вполне успешной в мобилизации ядра избирателей на поддержку В.В. Путина на президентских выборах, поскольку она способствовала «созданию общей идентичности участников и ограничению электоральных

эффектов оппозиционных протестов» [Smyth, Sobolev, Soboleva, 2013, p. 37]. Впрочем, по мнению авторов, долгосрочные последствия этой символической политики не столь однозначны, поскольку прокремлевские марши обнаружили также «ослабление народной поддержки президента и неспособность режима монополизировать политическую повестку, чтобы убедить ядро своих сторонников» [ibid., p. 25].

Исследования символической политики получили заметное распространение в России. Поиск в Научной электронной библиотеке elibrary.ru выдает более 600 наименований русскоязычных статей, в заглавии которых содержатся соответствующие ключевые слова. Курсы, посвященные данной проблематике, включены в программы подготовки политологов в ряде российских вузов. Отдел политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН подготовил пять выпусков ежегодника «Символическая политика», в которых опубликованы статьи и обзоры по широкому спектру тем – от теории и методологии до исследований политики памяти, трансформации праздников, политики идентичности, языковой политики, политических мифов, семантики специфических символов, легитимации власти и социального конструирования пространства [Символическая политика ..., 2012; 2014; 2015; 2016; 2017]. Не будет преувеличением сказать, что в русскоязычном сегменте политической науки исследования символической политики постепенно оформляются в особое направление, сфокусированное на изучении различных «идеационных» составляющих политических процессов в России и в мире. Как уже отмечалось, в этом обзоре мы сосредоточимся на исследованиях политики памяти как наиболее «заметной» области символической политики, чтобы выяснить, каким образом исследования на российском материале способствуют развитию, с одной стороны, политической науки, а с другой – исследований памяти.

Политическая наука и исследования памяти

Под политикой памяти принято понимать взаимодействия «политических сил, заинтересованных в специфических интерпретациях прошлого» [Twenty years after communism ..., 2014, p. 4]. Исследования таких взаимодействий опираются на представление

о том, что коллективная память формируется с помощью манипуляции мифами и символами. Эта идея впервые была сформулирована французским социологом Морисом Хальбваксом в 1925 г. [Halbwachs, 1992]. Концепт коллективной памяти связан с конструктивистской школой исследований национализма, которая утверждает, что нации создаются элитами, конструирующими национальные идентичности с опорой на важные символические события и идеи [Gellner, 1983; *The invention of tradition...* 1983; Anderson, 1991; Smith, 2000]. Многие исследователи изучали роль памяти и коммеморации в контексте работы с социальными травмами, такими, как геноцид или массовые репрессии; они утверждают, что государства не могут уйти от опасного исторического наследия и что построение стабильных демократий невозможно без официального символического признания травматического прошлого [Barkan, 2000; De Lue, 2006]. Политологи изучали, как государства решают проблему «трудного», травматического прошлого, в сравнительной перспективе [Art, 2006; Wüstenberg, Art, 2008; Karn, 2015; Dixon, 2018]. Политические теоретики и философы обсуждают этические проблемы общественной памяти, задаваясь вопросами о том, при каких обстоятельствах государства несут обязанность символически признавать прошлое и какие способы официального публичного признания приемлемы [Booth, 1999; Booth, 2001; Cruz, 2000; Margalit, 2002; Ricœur, 2004].

После пионерского исследования мест памяти во Франции Пьера Нора [Realms of memory, 1996] и работы Джеймса Янга о контрпамятниках в Германии [Young, 1993] появилось множество других исследований памятников и мемориалов, формирующих и стимулирующих общественную память. Еще одна активно исследуемая область – публичные коммеморации общественных событий и фигур [Biesecker, 2002; *The art of commemoration ...*, 2003; *Twenty years ...*, 2014; Malinova, 2018 c; 2018 a; 2018 b и др.].

Свидетельством растущего интереса к исследованиям в этой области стало учреждение журнала «Memory Studies» [Olick, 2008], а затем – Ассоциации исследований памяти [Olick, Sierp, Wüstenberg, 2017].

Политологи, хотя и участвовали в этих исследованиях, были не на первых ролях. Согласно опросу, проведенному в 2013–2014 гг. Анамарией Сегестен и Дженни Вюрстенберг, лишь 13% из 252 респондентов идентифицировали себя с политической наукой

или исследованиями международных отношений; при этом две трети из этих политологов и международников получили свои ученые степени (или готовились их получить) в европейских университетах [Segesten, Wustenberg, 2017]. В какой-то мере недостаток внимания к исследованиям памяти в политической науке – особенно в США – определяется дисциплинарными границами. Здесь можно провести параллель с политической географией: хотя политическим географам и политологам есть что сказать друг другу, эти области сильно изолированы друг от друга [Ethington, McDaniel, 2007]. Да и многие исследователи памяти называют свою область скорее междисциплинарной, нежели междисциплинарной.

Политологические журналы, считающиеся мейнстримными, не слишком дружелюбны к исследованиям памяти. В престижных журналах по компаративистике удалось обнаружить лишь шесть статей, так или иначе относящихся к этой области: две в «Comparative Politics» [Vujačić, 2007; Davis, Cross, 2012], одна в «Comparative Political Studies» [Bruter, 2003] и три в «World Politics» [Dittmer, 1977; Goeckel, 1984; Cruz, 2000]. В силу особенностей своих установок более открытыми новой области оказались «Perspectives on Politics» – один из журналов Американской ассоциации политической науки: он опубликовал три статьи и обзор симпозиума [Varshney, 2003; Maoz, 2008; Murphy, 2009; Nunnally, 2016]. Но это не меняет общей картины: в ключевых политологических журналах исследования по политике памяти маргинальны. Согласно опросу Сегестен и Вюрстенберг, большинство исследователей памяти участвуют в конференциях по региональной проблематике, девять заявили об участии в конгрессах Международной ассоциации политической науки (IPSA), но лишь двое отметили свое участие во «флагманской» ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки (APSA) [Segesten, Wustenberg, 2017].

Политическая наука, исследования памяти и распад СССР

Однако политическая наука в посткоммунистических и постсоветских странах является исключением из этого правила. Падение коммунистических правительств в Восточной Европе и распад СССР поставили в повестку непростые задачи государственного строительства. Стимулирование общественных чувств с помощью

переписывания истории и манипулирования историческими артефактами оказалось столь же важным для легитимации посткоммунистических режимов, как ранее для националистических движений [Verdery, 1999; Suny, 1999–2000].

Исследователи памяти начали заниматься этими проблемами с конца 1990-х годов, причем Россия сразу оказалась в центре их внимания. Лидерами, разумеется, были историки [Merridale, 2003; Corney, 2010; Norris, 2011; Wood, 2011; Копосов, 2011; Миллер, 2012 и др.]. Значительный вклад внесли географы, которые много занимались Россией [White, 1995; Khazanov, 1998; 2000; Sidorov, 2000; Grant, 2001; Schleifman, 2001] и Венгрией [Bodnar, 1998; James, 1999; Foote, Toth, Arvay, 2000; James, 2005], а также провели интересные исследования политики памяти в Узбекистане [Bell, 1999], Казахстане [Danzer, 2009], Словении [Jezernik, 1998], Румынии [Bucur, 2002] и объединенной Германии [Cochrane, 2006].

Однако и политологи не остались в стороне. Без анализа битв памяти, развернувшихся вокруг переоценки революций 1917 г., Великой Отечественной войны и распада СССР, было невозможно понять происходившие в России политические трансформации. Политологи включились в исследования политики памяти в начале 2000-х, результатом их усилий стало множество статей в журналах, посвященных региональной и субдисциплинарной проблематике, а также несколько заметных монографий [Smith, 2002; Sherlock, 2007; Danilova, 2015; Малинова, 2015; Dixon, 2018]. Нередко политологи выступали в соавторстве с коллегами – специалистами в области других дисциплин (напр.: *War and memory ...*, 2017; Forest, Johnson, 2002; 2011; Forest, Johnson, Till, 2004].

Примечательно, что многие из этих исследователей работают в междисциплинарных институтах или программах, а не в традиционных департаментах политической науки; большинство из них – из Европы. Однако, как мы попытаемся показать, это не означает, что их вклад в *memory studies* не дает одновременно полезное приращение знания для *political science*.

Власть памяти

Пожалуй, главной отличительной чертой политологических исследований памяти является фокус на проблемах политической власти. Политологи задаются вопросами о том, как группы акторов, располагающие различными властными ресурсами, взаимодействуют по поводу тех или иных проблем, в каких местах и с какими результатами. Очевидно, что в периоды кризисов и перемен политические акторы используют политику памяти, чтобы легитимировать свои притязания на власть и свои интерпретации общественных проблем. Они соперничают за то, чьи представления о прошлом получают признание в качестве основания идентичности государства. Такая политика памяти выявляет и реифицирует степень инклюзивности, характерной для того или иного государства – не только то, кто к нему «принадлежит», но и кто может легитимно стремиться к политической власти.

Изучение памяти как предмета символической политики опирается на ряд теоретических презумпций.

1. Политика памяти рассматривается как совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, т.е. «политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого» [Twenty years ..., 2014, p. 4]. Не случайно многие политологи практикуют акторно-ориентированный подход, например, к изучению коммемораций исторических событий и фигур [Onken, 2007; Wood, 2011; Малинова, 2018 а; 2018 b; Laruelle, 2019].

2. Мнемонические акторы используют мифы и символы национального прошлого для формирования и разграничивания национальных идентичностей, легитимации власти, мобилизации электоральной поддержки, обмена властными ресурсами и т.п. [Smith, 2002; Mink, Neumayer, 2013].

3. Наиболее важную роль в формировании коллективной памяти играют элиты; поэтому изучение их дискурсов необходимо для понимания динамики памяти. Однако успех этих дискурсов определяется тем, в какой мере они резонируют с памятью населения [Langenbacher, 2008, p. 54; Goode, 2017].

4. Коллективная память опирается на социально-культурную инфраструктуру, включающую тексты, символы, школьные программы, музеи, памятники, ритуалы, праздники и т.п. [Irwin-Zarecka, 1994, p. 14; Langenbacher, 2010, p. 29]. Развитие этой

инфраструктуры – предмет политической борьбы [Smith, 2002; Forest, Johnson, 2011].

5. Ресурсы мнемонических акторов неравны; их распределение отражает структуру отношений власти и доминирования [Forest, Johnson, 2011; Mink, Neumayer, 2013]. Поэтому главный вопрос – кто обладает властью для манипулирования символами в публичном пространстве и с какими целями?

6. Гегемония тех или иных версий памяти о давнем или недавнем прошлом является динамическим результатом взаимодействия (конкуренции или конвергенции) разных нарративов.

Ярким примером такого подхода является монография Кэтрин Смит «Формирование мифов в новой России: политика и память в эпоху Ельцина» [Smith, 2002], описывающая, каким образом сторонники и противники режима пытались использовать памятники, праздники, гимн и другие символы для выражения политических симпатий, дискредитации оппонентов, привлечения общественной поддержки и др. Ни декларация суверенитета, ни резкий разрыв с прежней политической системой не гарантируют быстрого принятия новых идентичностей или быстрого изменения исторических нарративов, объясняющих, каким образом настоящее получается из прошлого. Накал борьбы, которой сопровождалась трансформация символического ландшафта, хорошо иллюстрирует и исследование борьбы за памятники в российской столице, проведенное Джулиет Джонсон совместно с географом Бенджамином Форестом [Forest, Johnson, 2002]. Анализ дилемм, с которыми сталкивалась символическая политика ельцинского периода, позволяет лучше понять причины неудач демократического транзита в России.

Политологи также много занимаются современными конфликтами памяти, в том числе – международными. Одним из наиболее активно изучаемых случаев таких конфликтов стал спор о перемещении «Бронзового солдата» – памятника советским воинам в Таллине в 2007 г. [Onken, 2007; Lehti, Jutila, Jokisipilä, 2008; Brüggemann, Kasekamp, 2008]. Исследования политологов показывают, каким образом наложение эстонской электоральной политики, российской государственной политики памяти, конфликтующих режимов памяти о Второй мировой войне и российской геополитической идентичности сделало перенос статуи русского

солдата в Таллине символом современных противоречий между Эстонией и Россией.

Упор на взаимодействие мнемонических акторов является не менее важной особенностью политологических исследований памяти, чем сосредоточенность на проблемах власти. Хотя государство рассматривается в качестве важного игрока, его действия не происходят в вакууме: разнообразная публика, от НКО и религиозных организаций до беллетристов и уличных художников соперничают с государственными акторами в формировании символической политики. Понимание власти и ее возможностей негосударственными акторами порой отличается от традиционного, что делает символическую политику особенно поучительной для политологов. Примером такого подхода может служить первая монография Кэтлин Смит, посвященная борьбе за возвращение памяти о жертвах сталинских репрессий в начале 1990-х годов [Smith, 1996].

Теория и метод

Однако вклад политологов в *memory studies* определяется не только особыми ракурсами анализа. В этой области преобладают дисциплины, которые пользуются интерпретирующими методами и стремятся подчеркнуть уникальность или особенность рассматриваемых явлений. Исследователи памяти редко прибегают к систематическому кросс-национальному анализу, фокусируясь на паттернах символических действий. Действительно, символы имеют столь богатое и динамичное культурное содержание, что систематические сравнения кажутся и ненужными, и трудно осуществимыми. Однако политическая наука как раз ценит систематические сравнения и объяснения, опирающиеся на обобщение достаточного количества наблюдений. То обстоятельство, что символическая политика и политика памяти распространены повсеместно, делают их хорошими объектами для сравнительных исследований.

Один из примеров такого объяснительного подхода – книга Стюарта Кауфмана «Современная ненависть: Символическая политика этнической войны», автор которой, опираясь на исследования постсоветских случаев, показывает, каким образом обращение

политических лидеров к этническим мифам и символам может подстрекать к межэтническим конфликтам или углублять их [Kaufman, 2001]. Другим примером является сравнительное исследование процессов мемориализации в России и Германии, демонстрирующее, что характерное для многих исследований памяти разделение элит и общества может затушевывать действительные конфликты, не позволяя видеть множественные союзы между разными элитами и публиками [Forest, Johnson, Till, 2004]. Сравнительное исследование Наталии Даниловой о коммеморации памяти погибших воинов в России и Великобритании показывает общее и различное в использовании памяти для оправдания современных военных кампаний [Danilova, 2015].

Возможно, наиболее амбициозный сравнительный проект – исследование коммемораций 20-летних годовщин падения коммунистических режимов в Восточной Европе под руководством М. Бернхарда и Я. Кубика. Дизайн исследования предполагал использование концептов мнемонических акторов и типологии режимов памяти для анализа страновых случаев. Это позволило исследователям, участвовавшим в проекте, выявить динамику политики для каждого из кейсов, а также с помощью качественного сравнительного анализа (QCA) выявить факторы, определявшие режимы памяти [Twenty years ..., 2014]. Следует отметить, что типологизация режимов памяти применялась и другими исследованиями [Onken, 2007].

Важной методической новацией для *memory studies* было формирование баз данных для сравнительных исследований. Так, Форест и Джонсон создали базу, позволяющую анализировать случаи установки, демонтажа и изменения памятников в постсоветских странах, которая позволяет производить количественный анализ для сравнения монументальной политики в зависимости от типов режимов [Forest, Johnson, 2011]. Эта база доступна для других исследователей по адресу: <http://postcommunistmonuments.ca/>, и судя по отчетам о трафике, с момента ее создания в 2012 г. использовалась около тысячи раз. Ранее эти исследователи использовали опросы, чтобы установить, насколько значимыми являются те или иные места памяти и праздники в постсоветской России [Forest, Johnson, 2002].

Многие политологи используют дискурс-анализ для изучения памятных речей политиков. Такие речи представляют собой

особый вид риторики, посвященной конкретным историческим эпизодам и фигурам [Biesecker, 2002; The art of commemoration ..., 2003; Joesalu, 2012]. Их анализ позволяет выявлять приемы эффективного использования прошлого с политическими целями. Кроме того, памятные речи дают богатый материал для изучения репертуара актуального, т.е. политически используемого, прошлого. Так, анализ памятных речей российских президентов позволил О.Ю. Малиновой выявить эволюцию представлений властвующей элиты о том, какие эпизоды отечественной истории следует «актуализировать» для политического использования [Малинова, 2015, с. 156–174]. Политологи также использовали систематический критический анализ российских учебников истории, чтобы выявить методы дискурсивной манипуляции при изложении сталинского периода [Nelson, 2015].

Интерпретирующий и междисциплинарный характер исследований памяти стимулирует применение конструктивистского подхода и качественных методов, что в свою очередь способствует их продвижению в *political science*, которая больше жалует количественные исследования [см.: Goode, 2010].

Ломая стены

Изучение постсоветского опыта не только обогатило политическую науку и исследования памяти, но и предвосхитило миниренессанс исследований символической политики, который проявляется сейчас в исследованиях «арабской весны» или наследия Гражданской войны в США. Однако политическая наука как дисциплина пока не в полной мере использует возможности этого подхода: такие исследования редко появляются в мейнстримных журналах и ведущих университетских издательствах, даже если они неплохо цитируются. Это говорит об определенной зашоренности нашей дисциплины. Политологам, которые занимаются исследованиями памяти и воспринимают свойственный данной области теоретический и методологический плюрализм всерьез, следует продолжать бороться за его принятие в *political science*. И исследователи постсоветских стран имеют шансы быть во главе этого движения.

Список литературы

- Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. – М.: НЛЮ, 2011. – 320 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 5–16.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 190 с.
- Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. – 2018 а. – № 1. – С. 9–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
- Малинова О.Ю.* Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. – 2018 б. – № 2. – С. 37–56. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
- Миллер А.И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке / под ред. А.И. Миллера, М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012. – С. 328–367.
- Мисюров Д.А.* Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 168–174.
- Поцелуев С.П.* Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–76.
- Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 17–53.
- Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – 334 с.
- Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2014. – Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. – 382 с.
- Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – 371 с.
- Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2016. – Вып. 4: Социальное конструирование пространства. – 371 с.
- Символическая политика. – М.: РАН. ИНИОН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – 356 с.
- Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – N.Y.: Verso, 1991. – 256 p.
- Art D.* The politics of the Nazi Past in Germany and Austria. – Cambridge: Cambridge university press, 2006. – xii, 231 p.
- Barkan E.* The guilt of nations: restitution and negotiating historical injustices. – N.Y.: W.W. Norton, 2000. – xii, 414 p.
- Bell J.* Redefining national identity in Uzbekistan: symbolic tensions in Tashkent's official public landscape // Cultural geographies. – 1999. – Vol. 6, N 2. – P. 183–213. – DOI: <https://doi.org/10.1177/096746089900600204>

- Biesecker B.A.* Remembering World War II: the rhetoric and politics of national commemoration at the turn of the 21 st century // Quarterly journal of speech. – 2002. – Vol. 88, N 4. – P. 393–409. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00335630209384386>
- Bodnar J.* Assembling the square: social transformation in public space and the broken mirage of the second economy in postsocialist Budapest // Slavic review. – 1998. – Vol. 57, N 3. – P. 489–515. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2500709>
- Booth W.J.* Communities of memory: On identity, memory, and debt // American political science review. – 1999. – Vol. 93, N 2. – P. 249–263. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2585394>
- Booth W.J.* The unforgotten: Memories of justice // American political science review. – 2001. – Vol. 95, N 4. – P. 777–791. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055400400018>
- Brysk A.* “Hearts and minds”: bringing symbolic politics back in” // Polity. – 1995. – Vol. 27, N 4. – P. 559–585. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3234960>
- Brüggemann K., Kasekamp A.* The politics of history and the “War of Monuments” in Estonia // Nationalities papers. – 2008. – Vol. 36, N 3. – P. 425–448. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>
- Bruter M.* Winning hearts and minds for Europe: The impact of news and symbols on civic and cultural European identity // Comparative political studies. – 2003. – Vol. 36, N 10. – P. 1148–1179. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003257609>
- Bucur M.* Treznea – trauma, nationalism and the memory of World War II in Romania // Rethinking history. – 2002. – Vol. 6, N 1. – P. 35–55. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13642520110112100>
- Cochrane A.* Making up meanings in a capital city: power, memory and monuments in Berlin // European urban and regional studies. – 2006. – Vol. 13, N 1. – P. 5–24. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776406060827>
- Corney F.C.* Interrogating the past in modern Russia: the promise and peril of historical memory studies: guest editor's introduction // Russian studies in history. – 2010. – Vol. 49, N 1. – P. 3–7. – DOI: <https://doi.org/10.2753/rsh1061-1983530100>
- Cruz C.* Identity and persuasion: how nations remember their pasts and make their futures // World politics. – 2000. – Vol. 52, N 3. – P. 275–312. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887100016555>
- Danilova N.* The Politics of war commemoration in the UK and Russia. – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – xv, 256 p.
- Danzer A.M.* Battlefields of ethnic symbols. Public space and post-Soviet identity formation from a minority perspective // Europe-Asia studies. – 2009. – Vol. 61, N 9. – P. 1557–1577. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130903209137>
- Davis Cross M.K.* Identity politics and European integration // Comparative politics. – 2012. – Vol. 44, N 2. – P. 229–246. – DOI: <https://doi.org/10.5129/001041512798838012>
- De Lue S.M.* The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world // East European politics and societies. – 2006. – Vol. 20, N 3. – P. 395–418. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>

- Dittmer L.* Political culture and political symbolism: Toward a theoretical synthesis // World politics. – 1977. – Vol. 29, N 4. – P. 552–583. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2010039>
- Dixon J.M.* Dark pasts. Changing the state's story in Turkey and Japan. – Ithaca etc.: Cornell university press, 2018. – xii, 258 p.
- Edelman M.* The symbolic uses of politics. – Urbana: University of Illinois press, 1964. – 201 p.
- Edelman M.* Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. – Chicago: Markham publishing company, 1971. – ix, 188 p.
- Ethington P.J., McDaniel J.A.* Political places and institutional spaces: The intersection of political science and political geography // Annual Review of Political Science. – 2007. – Vol. 10, N 1. – P. 127–142. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.080505.100522>
- Foote K., Toth A., Arvay A.* Hungary after 1989: Inscribing a new past on place // Geographical Review. – 2000. – Vol. 90, N 3. – P. 301–334. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3250856>
- Forest B., Johnson J.* Unraveling the threads of history: Soviet-era monuments and post-Soviet national identity in Moscow // Annals of the association of American geographers. – 2002. – Vol. 92, N 3. – P. 524–547. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>
- Forest B., Johnson J., Till K.* Post - totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia // Social & cultural geography. – 2004. – Vol. 5, N 3. – P. 357–380. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Forest B., Johnson J.* Monumental politics: regime type and public memory in post-communist states // Post-Soviet affairs. – 2011. – Vol. 27, N 3. – P. 269–288. – DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.3.269>
- Fornäs J.* Signifying Europe. – Chicago: University of Chicago press, 2012. – 339 p.
- Gamson W.A., Stuart D.* Media discourse as a symbolic contest: the bomb in political cartoons // Sociological Forum. – 1992. – Vol. 7, N 1. – P. 55–86. – DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01124756>
- Gellner E.* Nations and nationalism. – Ithaca: Cornell university press, 1983. – 152 p.
- Gill G.* Symbols and legitimacy in Soviet politics. – Cambridge: Cambridge university press, 2011. – vi, 356 p.
- Gill G.* Symbolism and regime change: Russia. – Cambridge: Cambridge university press, 2013. – viii, 246 p.
- Goeckel R.F.* The Luther anniversary in East Germany // World politics. – 1984. – Vol. 37, N 1. – P. 112–133. – DOI: <https://doi.org/10.2307/2010308>
- Goode J.P.* Redefining Russia: hybrid regimes, fieldwork, and Russian politics // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, N 4. – P. 1055–1075. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s153759271000318x>
- Goode J.P.* Humming along: Public and private patriotism in Putin's Russia // Everyday nationhood: Theorising culture, identity and belonging after banal nationalism / M. Skey, M. Antonsich (eds). – L.: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 121–146.
- Grant B.* New Moscow monuments, or, states of innocence // American ethnologist. – 2001. – Vol. 28, N 2. – P. 332–362. – DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.2.332>

- Halbwachs M.* On collective memory. – Chicago: University of Chicago press, 1992. – 244 p.
- Irwin-Zarecka I.* Frames of remembrance. The dynamics of collective memory. – New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994. – xiv, 214 p.
- James B.* Fencing in the past: Budapest's statue park museum // *Media Culture & Society*. – 1999. – Vol. 21, N 3. – P. 291–311. – DOI: <https://doi.org/10.1177/016344399021003001>
- James B.* Imagining postcommunism: Visual narratives of Hungary's 1956 Revolution. – Texas: A&M University press, 2005. – xi, 202 p.
- Jezernek B.* Monuments in the winds of change // *International journal of urban and regional research*. – 1998. – Vol. 22, N 4. – P. 582–588. – DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00162>
- Joesalu K.* The role of the Soviet past in post-Soviet memory politics through examples of speeches from Estonian presidents // *Europe-Asia studies*. – 2012. – Vol. 64, N 6. – P. 1007–1032. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.691723>
- Karn A.* Amending the past. Europe's Holocaust commissions and the right to history. – Wisconsin: The university of Wisconsin press, 2015. – 336 p.
- Kaufman S.J.* Modern hatreds: The symbolic politics of ethnic war. – Ithaca: Cornell university press, 2001. – 401 p.
- Kertzer D.I.* Ritual, politics, and power. – New Haven, etc.: Yale university press, 1988. – ix, 235 p.
- Khazanov A.M.* Post-Communist Moscow: re-building the “third Rome” in the country of missed opportunities? // *City & Society*. – 1998. – Vol. 10, N 1. – P. 269–314. – DOI: <https://doi.org/10.1525/city.1998.10.1.269>
- Khazanov A.M.* Selecting the past: the politics of memory in Moscow's history museums // *City & Society*. – 2000. – Vol. 12, N 2. – P. 35–62. – DOI: <https://doi.org/10.1525/city.2000.12.2.35>
- Langenbacher E.* Twenty-first century memory regimes in Germany and Poland: an analysis of elite discourses and public opinion // *German politics and society*. – 2008. – Vol. 26, N 4. – P. 50–81. – DOI: <https://doi.org/10.3167/gps.2008.260404>
- Langenbacher E.* Collective memory as a factor in political culture and international relations // *Power and the past. Collective memory and international relations* / E. Langenbacher, Y. Shain (eds). – Washington: Georgetown university press, 2010. – P. 13–49.
- Laruelle M.* Commemorating 1917 in Russia: ambivalent state history policy and the church's conquest of the history market // *Europe-Asia studies*. – 2019. – Vol. 71, N 2. – P. 249–267. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1552922>
- Lehti M., Jutila M., Jokisipilä M.* Never-ending Second World War: public performances of national dignity and the drama of the Bronze soldier // *Journal of Baltic studies*. – 2008. – Vol. 39, N 4. – P. 393–418. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01629770802461175>
- Malinova O.* The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 revolution in the official historical narrative of post-soviet Russia (1991–2017) // *Nationalities papers*. – 2018 c. – Vol. 46, N 2. – P. 272–289. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1386639>

- Maoz Z.* The Pursuit of peace and the crisis of Israeli identity: defending/defining the nation // Perspectives on politics. – 2008. – Vol. 6, N 1. – P. 211–212. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592708080559>
- Margalit A.* The ethics of memory. – Cambridge: Harvard university press, 2002. – 240 p.
- Merridale C.* Redesigning history in contemporary Russia // Journal of contemporary history. – 2003. – Vol. 38, N 1. – P. 13–28. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0022009403038001961>
- Mink G., Neumayer L.* Introduction // History, memory and politics in Central and Eastern Europe: memory games / G. Mink, L. Neumayer (eds). – Basingstoke, etc.: Palgrave Macmillan, 2013. – P. 1–20.
- Murphy A.R.* Longing, nostalgia, and golden age politics: The American jeremiad and the power of the past // Perspectives on politics. – 2009. – Vol. 7, N 1. – P. 125–141. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592709090148>
- Nelson T.H.* History as ideology: The portrayal of Stalinism and the Great Patriotic War in contemporary Russian high school textbooks // Post-Soviet affairs. – 2015. – Vol. 31, N 1. – P. 37–65. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2014.942542>
- Norris S.M.* Memory for sale: Victory Day 2010 and Russian remembrance // The Soviet and post-Soviet review. – 2011. – Vol. 38, N 2. – P. 201–229. – DOI: <https://doi.org/10.1163/187633211x589123>
- Nunnally S.C.* How we remember (and forget) in our public history // Perspectives on politics. – 2016. – Vol. 14, N 3. – P. 764–765. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592716001328>
- Olick J.K.* «Collective memory»: a memoir and prospect // Memory studies. – 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 23–29. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083885>
- Olick J.K., Sierp A., Wüstenberg J.* The Memory studies association: ambitions and an invitation // Memory studies. – 2017. – Vol. 10, N 4. – P. 490–494. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017721792>
- Onken E.C.* The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analysing memory politics in Europe // Europe-Asia Studies. – 2007. – Vol. 59, N 1. – P. 23–46. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130601072589>
- Realms of memory: rethinking the French past / P. Nora (ed.). – New York: Columbia university press, 1996. – Vol. 1: Conflicts and divisions. – 642 p.
- Ricoeur P.* Memory, history, forgetting. – Chicago: University of Chicago press, 2004. – 624 p.
- Schatz E.* Transnational image making and soft authoritarian Kazakhstan // Slavic review. – 2008. – Vol. 67, N 1. – P. 50–62. – DOI: <https://doi.org/10.2307/27652766>
- Schleifman N.* Moscow's Victory park: a monumental change // History and memory. – 2001. – Vol. 13, N 2. – P. 5–34. – DOI: <https://doi.org/10.1353/ham.2001.0012>
- Sherlock T.* Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – viii, 271 p.
- Segesten A.D., Wüstenberg J.* Memory studies: The state of an emergent field // Memory Studies. – 2017. – Vol. 10, N 4. – P. 474–489. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698016655394>

- Sidorov D.* National monumentalization and the politics of scale: the resurrections of the cathedral of Christ the Savior in Moscow // *Annals of the Association of American geographers*. – 2000. – Vol. 90, N 3. – P. 548–572. – DOI: <https://doi.org/10.1111/0004-5608.00208>
- Smith A.* Myths and memories of the nation. – Oxford: Oxford university press, 2000. – 288 p.
- Smith K.E.* Remembering Stalin's victims: popular memory and the end of the USSR. – Ithaca, NY: Cornell university press, 1996. – 238 p.
- Smith K.E.* Mythmaking in the new Russia: politics and memory in the Yeltsin era. – Ithaca: Cornell university press, 2002. – xi, 223 p.
- Smyth R., Sobolev A., Soboleva I.* A Well-organized play: symbolic politics and the effect of the pro-Putin rallies // *Problems of Post-Communism*. – 2013. – Vol. 60, N 2. – P. 24–39. – DOI: <https://doi.org/10.2753/ppc1075-8216600203>
- Suny R.* Provisional stabilities: the politics of identity in Post-Soviet Eurasia // *International security*. – 1999–2000. – Vol. 24, N 3. – P. 139–178. – DOI: <https://doi.org/10.1162/016228899560266>
- The art of commemoration: fifty years after the Warsaw uprising / ed. by T. Ensink, C. Sauer. – Amsterdam etc.: John Benjamins publishing company, 2003. – xi, 245 p.
- The invention of tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). – Cambridge: Cambridge university press, 1983. – vii, 320 p.
- The role of ideas in political analysis. A portrait of contemporary debates / A. Gofas, C. Hay (eds). – L. etc.: Routledge, 2010. – 224 p.
- Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / M.H. Bernhard, J. Kubik (eds). – Oxford: Oxford university press, 2014. – xviii, 362 p.
- Varshney A.* Nationalism, ethnic conflict, and rationality // *Perspectives on politics*. – 2003. – Vol. 1, N 1. – P. 85–99. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000069>
- Verdery K.* The political lives of dead bodies: reburial and postsocialist change. – New York: Columbia university press, 1999. – 208 p.
- Vujačić V.* Elites, narratives, and nationalist mobilization in the former Yugoslavia // *Comparative politics*. – 2007. – Vol. 40, N 1. – P. 103–124. – DOI: <https://doi.org/10.5129/001041507x12911361134514>
- War and memory in Russia, Ukraine and Belarus / J. Fedor et. al. (eds). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. – xxvii, 506 p.
- White A.* The memorial society in the Russian provinces // *Europe-Asia studies*. – 1995. – Vol. 47, N 8. – P. 1343–1366. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668139508412324>
- Wood E.A.* Performing memory: Vladimir Putin and the celebration of World War II in Russia // *The Soviet and Post-Soviet review*. – 2011. – Vol. 38, N 2. – P. 172–200. – DOI: <https://doi.org/10.1163/187633211x591175>
- Wüstenberg J., Art D.* Using the past in the Nazi successor states from 1945 to the present // *The annals of the American academy of political and social science*. – 2008. – Vol. 617. – P. 72–87. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207312762>
- Young J.* The texture of memory: Holocaust memorials and meaning. – New Haven, CT: Yale university press, 1993. – 398 p.

J. Johnson, O.Yu. Malinova *
Symbolic politics in political science
and Russian studies: research on the political uses
of the past in post-soviet Russia

Abstract. In this review article we examine political science's contribution to post-Soviet symbolic politics through a focus on memory politics, which took center stage in the political competition among post-Communist elites. Under the Soviet regime, Communist ideology and its symbolism permeated both public and private life. After this system collapsed, confronting the *ancient regime's* symbolic presence became a visible and often dramatic aspect of post-Soviet transformation in the newly independent states. This led to the proliferation of research on symbolic politics in post-Communist countries.

The authors argue that political scientists, newly inspired by post-Soviet memory politics, have made two major contributions to the field of memory studies. First, political scientists brought the issue of power to the fore – who had the power to manipulate symbols in public space, and to what political ends? This research encourages a focus on the interactions among various mnemonic actors, rather than solely on the state. Second, political scientists brought innovative comparative theories and methods to a field previously dominated by studies of single monuments, cities, and countries. At the same time, the interdisciplinary nature of memory studies has encouraged political scientists to conceptualize power in more nuanced ways and helped to spread and legitimize the use of interpretive and ethnographic methods in political science.

Keywords: symbolic politics; political science; Russian studies; memory politics; memory studies.

For citation: Johnson J., Malinova O.Yu. Symbolic politics as a matter of political science and Russian studies: Studies of political uses of the past in post-Soviet Russia. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. New York.: Verso, 1991, 256 p.
- Art D. *The politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, xii, 231 p.

* **Juliet Johnson**, PhD, Professor of Political Science, McGill University (Montreal, Canada), juliet.johnson@mcgill.ca; **Olga Malinova**, Doctor of Philosophy, Professor, National Research University Higher School of Economics; Chief Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, e-mail: omalinova@hse.ru.

- Barkan E. *The guilt of nations: restitution and negotiating historical injustices*. New York: W.W. Norton, 2000, xii, 414 pp.
- Bell J. Redefining national identity in Uzbekistan: symbolic tensions in Tashkent's official public landscape. *Cultural geographies*. 1999, Vol. 6, N 2, P. 183–213. DOI: <https://doi.org/10.1177/09674608900600204>
- Biesecker B.A. Remembering World War II: the rhetoric and politics of national commemoration at the turn of the 21 st century. *Quarterly journal of speech*. 2002, Vol. 88, N 4, P. 393–409. DOI: <https://doi.org/10.1080/00335630209384386>
- Bodnar J. Assembling the square: social transformation in public space and the broken mirage of the second economy in postsocialist Budapest. *Slavic Review*. 1998. Vol. 57, N 3, P. 489–515. DOI: <https://doi.org/10.2307/2500709>
- Booth W.J. Communities of memory: On identity, memory, and debt. *American political science review*. 1999. Vol. 93, N 2, P. 249–263. DOI: <https://doi.org/10.2307/2585394>
- Booth W.J. The unforgotten: memories of justice. *American political science review*. 2001, Vol. 95, N 4, P. 777–791. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055400400018>
- Brysk A. “Hearts and minds”: bringing symbolic politics back in”. *Polity*. 1995, Vol. 27, N 4, P. 559–585. DOI: <https://doi.org/10.2307/3234960>
- Brüggemann K., Kasekamp A. The politics of history and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities papers*. 2008, Vol. 36, N 3, P. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>
- Bruter M. Winning hearts and minds for Europe: The impact of news and symbols on civic and cultural European identity. *Comparative political studies*. 2003, Vol. 36, N 10, P. 1148–1179. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003257609>
- Bucur M. Treznea – trauma, nationalism and the memory of World War II in Romania. *Rethinking History*. 2002, Vol. 6, N 1, P. 35–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/13642520110112100>
- Cochrane A. Making up meanings in a capital city: power, memory and monuments in Berlin. *European Urban and Regional Studies*. 2006, Vol. 13, N 1, P. 5–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776406060827>
- Corney F.C. Interrogating the past in modern Russia: the promise and peril of historical memory studies: guest editor's introduction. *Russian Studies in History*. 2010, Vol. 49, N 1, P. 3–7. DOI: <https://doi.org/10.2753/rsh1061-1983530100>
- Cruz C. Identity and persuasion: how nations remember their pasts and make their futures. *World politics*. 2000, Vol. 52, N 3, P. 275–312. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0043887100016555>
- Danilova N. *The politics of war commemoration in the UK and Russia*. L.: Palgrave Macmillan, 2015, xv, 256 p.
- Danzer A.M. Battlefields of ethnic symbols. Public space and post-Soviet identity formation from a minority perspective. *Europe-Asia studies*. 2009, Vol. 61, N 9, P. 1557–1577. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130903209137>
- Davis Cross M.K. Identity politics and European integration. *Comparative politics*. 2012, Vol. 44, N 2, P. 229–246. DOI: <https://doi.org/10.5129/001041512798838012>

- De Lue S.M. The enlightenment, public memory, liberalism, and the post-communist world. *East European politics and societies*. 2006, Vol. 20, N 3, P. 395–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325405275985>
- Dittmer L. Political culture and political symbolism: Toward a theoretical synthesis. *World politics*. 1977, Vol. 29, N 4, P. 552–583. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010039>
- Dixon J.M. *Dark pasts. Changing the state's story in Turkey and Japan*. Ithaca etc.: Cornell university press, 2018, xii, 258 p.
- Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964, 201 p.
- Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*. Chicago: Markham publishing company, 1971, ix, 188 p.
- Ethington P.J., McDaniel J.A. Political places and institutional spaces: The intersection of political science and political geography. *Annual review of political science*. 2007, Vol. 10, N 1, P. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.080505.100522>
- Foote K., Toth A., Arvay A. Hungary after 1989: Inscribing a new past on place. *Geographical Review*. 2000, Vol. 90, N 3, P. 301–334. DOI: <https://doi.org/10.2307/3250856>
- Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet-era monuments and post-Soviet national identity in Moscow. *Annals of the association of American geographers*. 2002, Vol. 92, N 3, P. 524–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>
- Forest B., Johnson J., Till K. Post - totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia. *Social & cultural geography*. 2004, Vol. 5, N 3, P. 357–380. DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Forest B., Johnson J. Monumental politics: regime type and public memory in post-communist states. *Post-Soviet affairs*. 2011, Vol. 27, N 3, P. 269–288. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.3.269>
- Fornäs J. *Signifying Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 2012, 339 p.
- Gamson W.A., Stuart D. Media discourse as a symbolic contest: the bomb in political cartoons. *Sociological forum*. 1992, Vol. 7, N 1, P. 55–86. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01124756>
- Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell university press, 1983, 152 p.
- Gill G. *Symbols and legitimacy in Soviet politics*. Cambridge: Cambridge university press, 2011, vi, 356 p.
- Gill G. *Symbolism and regime change: Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, viii, 246 p.
- Goeckel R.F. The Luther anniversary in East Germany. *World politics*. 1984, Vol. 37, N 1, P. 112–133. DOI: <https://doi.org/10.2307/2010308>
- Goode J.P. Redefining Russia: hybrid regimes, fieldwork, and Russian politics. *Perspectives on Politics*. 2010, Vol. 8, N 4, P. 1055–1075. DOI: <https://doi.org/10.1017/s153759271000318x>
- Goode J.P. Humming along: Public and private patriotism in Putin's Russia. In: Skey M., Antonsich M. (eds) *Everyday nationhood: Theorising culture, identity and belonging after banal nationalism*. London: Palgrave Macmillan, 2017, P. 121–146.

- Grant B. New Moscow monuments, or, states of innocence. *American ethnologist*. 2001, Vol. 28, N 2, P. 332–362. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.2.332>
- Halbwachs M. *On collective memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, 244 p.
- Irwin-Zarecka I. *Frames of remembrance. The dynamics of collective memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994, xiv, 214 p.
- James B. Fencing in the past: Budapest's statue park museum. *Media Culture & Society*. 1999, Vol. 21, N 3, P. 291–311. DOI: <https://doi.org/10.1177/016344399021003001>
- James B. *Imagining postcommunism: Visual narratives of Hungary's 1956 Revolution*. Texas A&M: University press, 2005, xi, 202 p.
- Jezernik B. Monuments in the winds of change. *International journal of urban and regional research*. 1998, Vol. 22, N 4, P. 582–588. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00162>
- Joesalu K. The role of the Soviet past in post-Soviet memory politics through examples of speeches from Estonian presidents. *Europe-Asia Studies*, 2012, Vol. 64, N 6, P. 1007–1032. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.691723>
- Karn A. *Amending the past. Europe's Holocaust commissions and the right to history*. Wisconsin: The university of Wisconsin press, 2015, 336 p.
- Kaufman S.J. *Modern hatreds: The symbolic politics of ethnic war*. Ithaca: Cornell university press, 2001, 401 p.
- Kertzer D.I. *Ritual, politics, and power*. New Haven, etc.: Yale university press, 1988, ix, 235 p.
- Khazanov A.M. Post-Communist Moscow: re-building the “third Rome” in the country of missed opportunities? *City & Society*. 1998, Vol. 10, N 1, P. 269–314. DOI: <https://doi.org/10.1525/city.1998.10.1.269>
- Khazanov A.M. Selecting the past: the politics of memory in Moscow's history museums. *City & Society*. 2000, Vol. 12, N 2, P. 35–62. DOI: <https://doi.org/10.1525/city.2000.12.2.35>
- Koposov N. *Strict security memory: history and politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 320 p. (In Russ.).
- Langenbacher E. Twenty-first century memory regimes in Germany and Poland: an analysis of elite discourses and public opinion. *German Politics and Society*. 2008, Vol. 26, N 4, P. 50–81. DOI: <https://doi.org/10.3167/gps.2008.260404>
- Langenbacher E. Collective memory as a factor in political culture and international relations. In: *Power and the past. Collective memory and international relations*. E. Langenbacher, Y. Shain (eds). Washington: Georgetown university press, 2010, P. 13–49.
- Laruelle M. Commemorating 1917 in Russia: ambivalent state history policy and the church's conquest of the history market. *Europe-Asia studies*. 2019, Vol. 71, N 2, P. 249–267. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1552922>
- Lehti M., Jutila M., Jokisipilä M. Never-ending Second World War: public performances of national dignity and the drama of the Bronze soldier. *Journal of Baltic studies*. 2008, Vol. 39, N 4, P. 393–418. DOI: <https://doi.org/10.1080/01629770802461175>

- Malinova O. Symbolic politics: outlining the research field. In: *Symbolic Politics*. Issue 1: Constructing cognitions about the past as a resource of power. Moscow: INION RAS, 2012, P. 5–16. (In Russ.)
- Malinova O. *The usable past: Symbolic politics of the governing elites and dilemmas of the Russian identity*. Moscow: Politicheskaia entsiklopedia, 2015, – 190 p. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. The commemoration of the centenary of the 1917 revolution (s) in Russia: analysis of strategies of the key mnemonic actors. *Polis. Political studies*. 2018 a, N 2, P. 9–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02> (In Russ.)
- Malinova O.Yu. The commemoration of the centenary of the 1917 revolution (s) in Russia: comparative analysis of the competing narratives. *Polis. Political Studies*. 2018 b, N 2, P. 37–56. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04> (In Russ.)
- Malinova O. The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 revolution in the official historical narrative of post-soviet Russia (1991–2017). *Nationalities Papers*. 2018 c, Vol. 46, N 2, P. 272–289. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1386639>
- Maoz Z. The Pursuit of peace and the crisis of Israeli identity: defending/defining the nation. *Perspectives on politics*. 2008, Vol. 6, N 1, P. 211–212. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592708080559>
- Margalit A. *The Ethics of Memory*. Cambridge: Harvard university press, 2002, 240 p.
- Merridale C. Redesigning history in contemporary Russia. *Journal of contemporary history*. 2003, Vol. 38, N 1, P. 13–28.
- Miller A.I. Historical politics in Russia: a new turn? In: Miller A.I., Lipman M. (eds.) *Historical politics in the XXI century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, P. 328–367. (In Russ.)
- Mink G., Neumayer L. Introduction. *History, memory and politics in Central and Eastern Europe: memory games*. G. Mink, L. Neumayer. (eds). Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan, 2013, P. 1–20.
- Misurov D.A. Political symbolics: between ideology and political publicity. *Polis. Political studies*. 1999, N 1, P. 168–174. (In Russ.)
- Murphy A.R. Longing, nostalgia, and golden age politics: The American jeremiad and the power of the past. *Perspectives on politics*. 2009, Vol. 7, N 1, P. 125–141. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592709090148>
- Nelson T.H. History as ideology: The portrayal of Stalinism and the Great Patriotic War in contemporary Russian high school textbooks. *Post-Soviet affairs*. 2015, Vol. 31, N 1, P. 37–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2014.942542>
- Norris S.M. Memory for sale: Victory Day 2010 and Russian remembrance. *The Soviet and post-Soviet review*. 2011, Vol. 38, N 2, P. 201–229. DOI: <https://doi.org/10.1163/187633211x589123>
- Nunnally S.C. How we remember (and forget) in our public history. *Perspectives on politics*. 2016, Vol. 14, N 3, P. 764–765. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592716001328>
- Olick J.K. “Collective memory”: a memoir and prospect. *Memory studies*. 2008, Vol. 1, N 1, P. 23–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698007083885>
- Olick J.K., Sierp A., Wüstenberg J. The Memory studies association: ambitions and an invitation. *Memory studies*. 2017, Vol. 10, N 4, P. 490–494. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017721792>

- Onken E.C. The Baltic states and Moscow's 9 May commemoration: Analysing memory politics in Europe. *Europe-Asia studies*. 2007, Vol. 59, N 1, P. 23–46. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130601072589>
- Potseluev S.P. Symbolical politics: a constellation of concepts for an approach to the problem. *Polis. Political Studies*. 1999, N 5, P. 62–76. (In Russ.)
- Potseluev S.P. “Symbolic politics”: the history of concept. In: *Symbolic politics. Issue 1: Constructing cognitions about the past as a resource of power*. Moscow: INION RAS, 2012, P. 17–53.
- Nora P. (ed). *Realms of memory: rethinking the French past*. Vol. I: Conflicts and divisions. New York: Columbia university press, 1996, 642 p.
- Ricœur P. *Memory, history, forgetting*. Chicago: University of Chicago press, 2004, 624 p.
- Schatz E. Transnational image making and soft authoritarian Kazakhstan. *Slavic Review*. 2008, Vol. 67, N 1, P. 50–62. DOI: <https://doi.org/10.2307/27652766>
- Schleifman N. Moscow's Victory park: a monumental change. *History and memory*. 2001, Vol. 13, N 2, P. 5–34. DOI: <https://doi.org/10.1353/ham.2001.0012>
- Sherlock T. *Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future*. New York: Palgrave Macmillan, 2007, viii, 271 p.
- Segesten A.D., Wustenberg J. Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*. 2017, Vol. 10, N 4, P. 474–489. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698016655394>
- Sidorov D. National monumentalization and the politics of scale: the resurrections of the cathedral of Christ the Savior in Moscow. *Annals of the association of American geographers*. 2000, Vol. 90, N 3, P. 548–572. DOI: <https://doi.org/10.1111/0004-5608.00208>
- Symbolic Politics. Issue 1: Constructing cognitions about the past as a resource of power. Moscow: INION RAS, 2012, 334 p. (In Russ.)
- Symbolic Politics. Issue 2: Discussions about the past as projecting future. Moscow: INION RAS, 2014, 382 p. (In Russ.)
- Symbolic Politics. Issue 3: Political functions of myths. Moscow: INION RAS, 2015, 371 p. (In Russ.)
- Symbolic Politics. Issue 4: Social construction of space. Moscow: INION RAS, 2016, 371 p. (In Russ.)
- Symbolic Politics. Issue 5: identity politics. Moscow: INION RAS, 2017, 356 p. (In Russ.)
- Smith A. *Myths and memories of the nation*. Oxford: Oxford university press, 2000, 288 p.
- Smith K.E. *Remembering Stalin's victims: popular memory and the end of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell university press, 1996, 238 p.
- Smith K.E. *Mythmaking in the new Russia: politics and memory in the Yeltsin era*. Ithaca: Cornell university press, 2002, xi, 223 p.
- Smyth R., Sobolev A., Soboleva I. A well-organized play: symbolic politics and the effect of the pro-Putin rallies. *Problems of post-communism*. 2013, Vol. 60, N 2, P. 24–39. DOI: <https://doi.org/10.2753/ppc1075-8216600203>

- Suny R. Provisional stabilities: the politics of identity in Post-Soviet Eurasia. *International Security*. 1999–2000, Vol. 24, N 3, P. 139–178. DOI: <https://doi.org/10.1162/016228899560266>
- The art of commemoration: fifty years after the Warsaw uprising*. T. Ensink, C. Sauer (eds). Amsterdam etc.: John Benjamins publishing company, 2003, xi, 245 p.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge university press, 1983, vii, 320 p.
- Gofas A., Hay C. (eds.) *The role of ideas in political analysis. A portrait of contemporary debates*. London, etc.: Routledge, 2010, 224 p.
- Bernhard M.H., Kubik J. (eds.) *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford university press, 2014, xviii, 362 p.
- Varshney A. Nationalism, ethnic conflict, and rationality. *Perspectives on politics*. 2003, Vol. 1, N 1, P. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592703000069>
- Verdery K. *The political lives of dead bodies: reburial and post socialist change*. New York: Columbia university press, 1999, 208 p.
- Vujačić V. Elites, narratives, and nationalist mobilization in the former Yugoslavia. *Comparative politics*. 2007, Vol. 40, N 1, P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.5129/001041507x12911361134514>
- Fedor J. et. al. (eds.) *War and memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017, xxvii, 506 p.
- White A. The memorial society in the Russian provinces. *Europe-Asia studies*. 1995, Vol. 47, N 8, P. 1343–1366. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668139508412324>
- Wood E.A. Performing memory: Vladimir Putin and the celebration of World War II in Russia. *The soviet and post-soviet review*. 2011, Vol. 38, N 2, P. 172–200. DOI: <https://doi.org/10.1163/187633211x591175>
- Wüstenberg J., Art D. Using the past in the Nazi successor states from 1945 to the present. *The annals of the American academy of political and social science*. 2008, Vol. 617, P. 72–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207312762>
- Young J. *The texture of memory: Holocaust memorials and meaning*. New Haven, CT: Yale university press, 1993, 398 p.